

НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

СТО ЛѢТЬ ТОМУ НАЗАДЪ.

(Замѣтки англичанина о русскомъ Императорскомъ флотѣ въ 1814 году).

Отъ переводчика.

Совершенно случайно мнѣ пришлось достать въ Англіи ставшую большой рѣдкостью книжку: «A voyage to St. Petersburg in 1814, with remarks of the I. R. N.». Анонимный авторъ ея, англійскій морской врачъ въ короткомъ предисловіи пишетъ, что онъ получилъ черезъ нашего посланника въ Лондонѣ приглашеніе сдѣлать переходъ изъ Англіи въ Кронштадтъ на одномъ изъ кораблей эскадры адмирала Тэта, которая въ 1814 году должна была принять во Франціи нашу гвардію для доставки ея въ Россію. Причиной этого предложения было опасеніе болѣзней и большой смертности среди команды— явленіе слишкомъ обычное въ то время въ русскомъ флотѣ.

Книжка эта, написанная въ 1817 и напечатанная въ 1822 году, содержитъ около 70 страницъ, но большая часть ея посвящена описанію Петрограда; поэтому настоящая работа представляетъ изъ себя не точный переводъ, а лишь выдержки изъ тѣхъ страницъ, которые могутъ представить изъ себя некоторый интересъ для морского офицера съ бытовой и исторической точки зрѣнія.

Въ первыхъ числахъ юня я явился на S., прекрасный 90-пушечный корабль, стоявшій подъ флагомъ контр-адмирала О. (*) въ Ширнессѣ, или вѣрнѣе въ Норѣ въ составѣ

(*) Александръ Александровичъ Огильви (принять на службу 1783 г., скончался полнымъ адмираломъ, членомъ адмиралтействъ-совѣта въ 1846 г.).

отряда изъ 7 или 8 вымпеловъ. Адмиралъ, шотландецъ родомъ, принялъ меня очень учтиво. Онъ былъ украшенъ орденомъ св. Георгія, который жалуется, какъ мы говорили, лишь за выдающіеся боевые подвиги. Адмиралъ отличился во время войны со шведами, когда, командуя въ чинѣ лейтенанта небольшимъ судномъ, онъ съ поразительной рѣшимостью атаковалъ вдвое сильнѣйшій шведскій корабль и послѣ продолжительного и отчаяннаго боя привелъ его въ Кронштадтъ, причемъ его собственное судно было такъ повреждено, что затонуло немедленно послѣ окончанія сраженія.

Онъ женился въ Россіи, и за нимъ уже числилось болѣе 25 лѣтъ имперской службы. Наровѣ съ остальными англійскими офицерами, служившими въ Россіи, онъ былъ высланъ въ Москву во время послѣдней войны съ Англіей (но 4 или 5 изъ русскихъ судовъ все же оставались подъ командой пашихъ соотечественниковъ). Долгое ли пребываніе на чужбинѣ наложило на него свой отпечатокъ, или же онъ въ силу своего официального положенія считалъ необходимымъ подчеркивать свою принадлежность къ русскому флоту, но миѣ бросилось въ глаза; что такое деликатное чувство, какъ честь родного флага, какъ бы притупилось въ немъ; и когда разговоръ случайно коснулся захвата въ Финскомъ заливѣ, всего лишь пѣсколько лѣтъ тому назадъ, русскихъ канонерскихъ лодокъ капитаномъ (нынѣ адмираломъ) сэромъ Вуаш Martin, то онъ показалъ видъ, что не припомниваетъ всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла. Онъ даже высказывалъ сомнѣніе, чтобы англійскіе матросы, даже въ равномъ числѣ, могли одолѣть русскихъ. Но это чувство конечно вполнѣ извинительно, и проистекаетъ оно изъ сознанія известныхъ обязательствъ по отношенію къ своей службѣ. Къ этому я считаю себя обязаннымъ добавить еще, что адмиралъ О. пользуется репутацией браваго и справедливаго офицера.

Командиръ корабля капитанъ R., русскій по происхожденію, встрѣтилъ меня также очень привѣтливо и всегда относилъ съ большимъ вниманіемъ, насколько это позволяло ему его раздражительный характеръ и нервная, склонная къ инфарктамъ натура. Вообще это былъ самый странный характеръ

полный самыхъ разнительныхъ противоположностей: чрезвычайно дѣятельный и въ то же время въ высшей степени лѣнивый, очень добродушный и вѣѣтъ съ тѣмъ страшно раздражительный, очень общительный и въ то же время скрытный. Напримеръ сейчасъ онъ готовъ по самому ничтожному поводу вступить съ адмираломъ въ самыя отчаянныя пререканія, а черезъ полчаса будетъ вѣжливъ съ нимъ до приторности. Онъ жилъ въ Англіи 2 или 3 года и теперь говоритъ на нашемъ языкѣ чуть ли не лучше меня самаго. Всѣ мельчайшія особенности англійского уклада жизни знакомы ему до тонкости, но его особливое вниманіе останавливало къ сожалѣнію наши недостатки. Иной разъ онъ искренне восхищался нами, но подчасъ увѣрялъ, что не видѣть въ Англіи ничего, что бы достойно было подражанія. Его мысль, какъ флюгарка, была вѣчно въ движеніи, причемъ двигалась быстротой. Но все же надо сказать, что капитанъ R. безспорно человѣкъ талантливый, пачтанный и прекрасно образованный. Но единственno въ чемъ онъ постоянно оставался вѣренъ себѣ, это его доходившая до смѣлого страсти лѣчиться. По его словамъ не было ля, когда бы онъ чувствовалъ себя здоровымъ, хотя я долженъ признаться, что никогда не могъ отгадать причину его болѣзней. Но мой диагнозъ не оказывалъ на него никакого вліянія, и онъ успокаивался только послѣ доброй порціи какой нибудь микстуры. Часто онъ принимался съ трогательнымъ краснорѣчіемъ доказывать всѣ преимущества плаванія подъ надзоромъ англійского морскаго врача, увѣрялъ, что русскіе доктора—сплошь коновалы, хотя это пѣсколько не мѣшало ему черезъ пять миѣтъ послѣ этого удивляться тому, какъ могъ Императоръ или его приближенные такъ жестоко оскорбить свой медицинскій персоналъ, не довѣряя его знаніямъ и опыту.

Остальные офицеры корабля за немногими исключеніями были очень воспитанные молодые люди хорошихъ фамилій и большинство изъ нихъ прекрасно изъяснялось по англійски. Для меня лично было чрезвычайно пріятно встрѣтиться въ каютъ-компаниіи съ г. S., англійскимъ морскимъ офицеромъ,

общество которого было прямо незамѣнно, такъ какъ для остальныхъ членовъ кають-компаний я по своему языку, манерамъ, привычкамъ и чувствамъ былъ совершенно чужой человѣкъ.

Черезъ нѣсколько днѣй мы перешли въ Доунсъ, а черезъ недѣлю стояли уже на якорѣ въ Шербургѣ; здѣшняя гавань является главнымъ образомъ искусственнымъ сооруженіемъ, и французы всегда обращали на нее особливое вниманіе благодаря положенію Шербурга непосредственно противъ Портсмута. Строительныя работы, которые предпринимались здѣсь въ разное время, являются вѣроятно самыми грандиозными во всей Франціи, хотя надо сказать, что замыслы строителей порта почти всегда являлись черезчуръ широкими, требовали громадныхъ расходовъ и затѣмъ оказывались невыполнимыми.

Самъ городъ основанъ очень давно; дома самой разнообразной архитектуры, начиная съ вполнѣ современныхъ и кончая такими антиками, которые вѣроятно строились еще при Карлѣ Великомъ.

Узкія улицы прямо кишили русскими солдатами, нашими будущими союзниками; ничѣмъ не занятые, они пѣлыми днями слонялись по городу, въ своихъ даниоцолыхъ шинеляхъ и со своей степенной, неторопливой походкой представляли разительный контрастъ живымъ и энергичнымъ французамъ. Въ винныхъ погребахъ и въ кабачкахъ низшаго разряда все было полно солдатами, которымъ неизмѣнно ставилась «настоящая русская водка». Равнымъ образомъ въ ресторанахъ постоянно толпились русские офицеры, и не мало нашихъ соотечественниковъ, которые съ удовольствіемъ прахлебывали шампанское по 6 франковъ бутылка. Торгъ между французами и русскими солдатами часто бывалъ очень забавнымъ. Покупатель предлагалъ приблизительно четверть того что съ него спрашивали; продавецъ или продавщица придили отъ этого прямо въ изступленіе и осыпали градомъ гательствъ въ своего покупателя и его ни въ чёмъ неподозрѣнную родину. Все это выслушивалось совершенно спокойно, затѣмъ, полушутя, полусерьезно русскій накидывалъ нѣсколько сантимовъ. Послѣ нового взрыва негодованія сдѣлка закан-

лась. Но эта торговля была все же настолько выгодна для французовъ, что они охотно мирились съ присутствіемъ русскихъ войскъ, хотя это не могло не затрагивать ихъ национального самолюбія.

Войска, которыхъ мы должны были принять на суда, состояли изъ нѣсколькихъ армейскихъ полковъ (Light troops), артиллеріи и изъ трехъ гвардейскихъ полковъ, Преображенского, Измайловского и Семеновского, учрежденныхъ еще Петромъ Великимъ, который замѣнилъ ими ненадежныхъ стрѣльцовъ. Эти полки въ служебномъ отношеніи имѣютъ преимущество передъ всей остальной арміей и пользуются исключительной любовью и вниманіемъ Императора. Служить въ нихъ считаются за особую честь лица самыхъ знатныхъ фамилій. Однажды офицеръ говорилъ мнѣ, что послѣ Бородинского боя въ Измайловскомъ полку изъ 2200 человѣкъ осталось лишь 130; остальные были ранены или убиты.

Къ этимъ полкамъ, какъ мнѣ говорили, Императоръ имѣетъ неослабное вниманіе. Всѣ приказы, касающіеся офицерскаго состава, медицинскаго персонала и т. п. подписываются непосредственно имъ. Говорятъ, онъ знаетъ въ лицо всѣхъ низшихъ чиновъ. Велikanъ Павель (Pole?), простой преображенский солдатъ, ростомъ что то болѣе 7 футъ, находится, говорятъ, у него въ особливомъ фаворѣ. Онъ въ рядахъ своего полка участвовалъ во всей кампаніи, и Императоръ неоднократно удостаивалъ его своей благодарностью за блестящее поведеніе въ бою.

Нижніе чины гвардейскихъ полковъ всѣ выглядѣли великолѣпно и по общему мнѣнію были безподобны и въ полѣ и на парадахъ. Набранные со всей Россіи главнымъ образомъ за свой ростъ, они выгодно отличались отъ остальныхъ солдатъ и матросовъ, которые на нашу мѣрку въ массѣ средняго роста, хотя все крѣпкій и сильный народъ. На разводахъ, которые происходили въ Шербургѣ каждый вечеръ, они вызывали восхищеніе даже у французовъ, сбѣгавшихся толпами, чтобы послушать русскіе оркестры, которые дѣйствительно одни изъ лучшихъ, какие мнѣ доводилось слышать.

На пятый день послѣ постановки на якорь къ намъ было посажено 600 человѣкъ преображенцевъ со своимъ оркестромъ, который скрасилъ намъ многіе часы нашего совмѣстнаго плаванія. Вмѣстѣ съ ними же прибылъ и главнокомандующій генералъ баронъ Розенъ (*), человѣкъ чрезвычайно благовоспитанный и на рѣдкость красивый мужчина; и, если наградами можно мѣрить заслуги, то онъ долженъ быть бравымъ и выдающимся офицеромъ, такъ какъ вся его грудь въ два ряда была покрыта звѣздами и орденами русскими, прусскими, австрійскими и баварскими, пожалованными ему за минувшую кампанию. Онъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ (вѣроятно не больше 36 лѣтъ) и настолько очарователенъ въ обхожденіи, что не только нижніе чины, но и офицеры прямо боготворятъ его. И надо отдать ему справедливость: любовь и дружба въ этомъ случаѣ обоюдная. Не могу не привести здѣсь одинъ очень характерный фактъ. Сухопутные офицеры, по прибытіи на корабль, конечно, приглашены были столоваться въ кають-компани, а за адмиральскимъ столомъ было приготовлено мѣсто для генерала; но послѣдній съ благодарностью отклонилъ это приглашеніе, не желая разставаться со своими офицерами: «—Я сдѣлалъ вмѣстѣ съ ними походъ изъ Петербурга до Парижа; очень Вамъ благодаренъ, адмиралъ, за Вашу любезность, но миѣ будетъ не по себѣ, если теперь придется отъ нихъ отѣлиться».

Намъ не могло не броситься въ глаза, что большинство офицеровъ еще совсѣмъ молодые люди; пѣкоторымъ не было и 20-ти лѣтъ, и только 3 или 4 человѣка были старше 26—28-ми лѣтъ. Трудно было допустить, что Наполеона побили такие ветераны. Но вскорѣ выяснилось изъ разговоровъ, что вся эта молодежь явилась на смѣну старымъ, опытнымъ офицерамъ, раненымъ или убитымъ въ минувшей кампании. И все они, равно какъ и морскіе офицеры, получили прекрасное воспитаніе и держать себя какъ истые джентельмены. Многіе великолѣпно говорятъ по французски и теперь везу-

(*) Начальникъ 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи ген.-лейт. бар. Григорій Владимировичъ Розенъ (1781—1841).

Лурнинъ, перевод.

СТО ЛѢТЬ ТОМУ НАЗАДЪ.

7

съ собой цѣлые ящики съ французскими книгами. Но по англійски говорили только двое, и я имѣлъ случай видѣть только одну англійскую книгу, а именно описание кампаниіи 1812 года, написанное сэромъ Robert Kett Porter, но и она принадлежала морскому офицеру.

Изъ Диля, куда мы перешли приблизительно черезъ недѣлю, генералъ и 2 или 3 офицераѣздили на 2 сутокъ въ Лондонъ; но ихъ впечатлѣнія отъ этой поѣздки были не изъ блестящихъ: цѣны на все непомѣрныя, столъ совсѣмъ не въ ихъ вкусѣ, ямщики—нахалы, города всѣ хуже французскихъ, а Лондонъ грязенъ и закоптѣлъ. Но пѣкоторыя зданія действительны красны, конно-гвардейцы выглядятъ молодцами, и англітане безспорно богаты и энергичны народъ. Размѣры, прекрасная акустика и великолѣпное убранство театра Drury-lane вызвали справедливо восхищеніе.

Замѣчательно, какъ высоко стоять въ глазахъ русскихъ все французское по сравненію съ англійскимъ. Я чрезвычайно затрудняюсь дать этому удовлетворительное объясненіе; вѣроятно наши сосѣди въ высшей степени обладаютъ счастливымъ даромъ очаровывать иностранцевъ и даже своихъ завоевателей. Но надо оговориться, что когда зашелъ разговоръ о военной мощи страны, то пальма первенства безъ долгихъ споровъ была присуждена не Франціи, а Великобританіи.

Тѣ изъ офицеровъ, которые имѣли случай пробыть въ Англіи болѣе или менѣе продолжительное время, отзывались болѣе синхронично о нашихъ обычаяхъ, установлѣніяхъ и о нашемъ национальномъ характерѣ, но и они тоже всѣ по-головно были поклонниками Франціи. Я отъ души сожалѣю, что всѣ эти споры по большей части велись по русски, и я не имѣлъ возможности выступить на защиту того, что имѣло казалось страннымъ въ укладѣ англійской жизни.

Разница въ esprit du corps въ арміи и во флотѣ поразительная. Сухопутные офицеры гордятся своими боевыми заслугами и отчетливо понимаютъ и чувствуютъ свое значеніе и свой вѣсъ въ странѣ. Моряки же работаютъ какъ бы въ полномъ сознаніи своей второстепенности, примирившись съ мыслью, что среди различныхъ проявленій военной мощн

страны они занимаютъ послѣднее мѣсто. При мнѣ многие лейтенанты высказывали сожалѣніе, что флоту будто бы не удалосьувѣнчать себя лаврами, которые поставили бы ихъ въ одну линію съ арміей, а двое изъ нихъ даже подумывали о переходѣ на военную службу, никакъ не жалѣя о томъ, что имъ придется трубу и рупоръ перемѣнить на шарфъ и плюмажъ. Но своими боевыми столкновеніями съ турками и шведами они гордятся до чрезвычайности; изъ ихъ разговоровъ можно было понять, что даже англійскій флотъ не долженъ разсчитывать на свое превосходство въ числѣ въ случаѣ столкновенія съ Россіей. Капитанъ R. однажды даже спросилъ меня, что же, если не робость, заставило въ 1807 году лорда Коллингвуда воздержаться отъ атаки русского флота, шедшаго изъ Корфу въ Венецию. На это я конечно могъ только отвѣтить вопросомъ, какъ могъ русскій флотъ бросить на произволъ судьбы свой 74-пушечный корабль, на его глазахъ атакованный и уничтоженный двумя равносильными англійскими кораблями подъ начальствомъ сэра Самуэля Гуда. Этотъ отвѣтъ привелъ капитана R. въ такое бѣшенство, что два или три дня послѣ этого онъ не говорилъ со мною ни слова.

Вскорѣ я убѣдился, что гвардейцы на кораблѣ были все. Обычный, установленійся порядокъ жизни на суднѣ, морской уставъ, выработанныя ранѣе правила и расписанія—все это свелось на нѣть. Ихъ имя, требованія ихъ службы, ихъ желанія и наконецъ магическое слово «Императоръ» служили извиненіемъ для всего.

При моемъ прибытіи на судно мнѣ была отведена прекрасная ординарная каюта; но, когда появились всемогущіе гвардейцы, командиръ послѣ необычайно длиннаго и вѣжливаго предсловія и сотни комплиментовъ по моему адресу заявилъ мнѣ, что офицеры гвардіи, какъ принадлежащіе къ лучшимъ Имперіи фамиліямъ и приближенные къ Государю, должны занять на кораблѣ первенствующее положеніе, и потому мнѣ придется раздѣлить мою каюту еще съ двумя офицерами. Конечно мнѣ ничего не оставалось, какъ повиноваться. И какъ старый морякъ, я прекрасно понималъ всю прелестъ

СТО ЛѢТЬ ТОМУ НАЗДѢ.

совмѣстной жизни съ никогда не видавшими море людьми, особенно въ случаѣ свѣжей погоды. Поэтому я просилъ разрешенія имѣть честь уступить имъ свою каюту въ совершиное владѣніе, получивъ въ замѣнѣ этого небольшую каюту изъ обвѣсовъ на верхней палубѣ. Тамъ мы и поселились вмѣстѣ съ г. S., проводя конечно большую часть дня въ кають-компаніи. Но зато мы имѣли удовольствіе весь 3-недѣльный переходъ изъ Діля въ Кронштадтъ пользоваться свѣжимъ воздухомъ, комфортомъ и чистотой, столь необходимой для каждого англичанина, тогда какъ для моихъ предполагаемыхъ сожителей по каюте это понятіе абсолютно никакого значенія не имѣло, въ чемъ я и имѣлъ удовольствіе убѣдиться.

Мнѣ особенно рѣзала глаза страшная неопрятность русскихъ офицеровъ въ нижнихъ чиновъ и, какъ слѣдствіе этого, присутствіе несвѣроятнаго количества различнаго рода паразитовъ, которые у насъ являются признакомъ самой безысходной и безнадежной нужды. Однажды за обѣдомъ, еще въ одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія на русскомъ кораблѣ, мой слуга указалъ мнѣ на два крупныхъ и упитанныхъ созданія, степенно пробравшихся куда то по плечу одного морскаго офицера, сидѣвшаго рядомъ со мной. Это можно было бы счесть за случайность, но неоднократное повтореніе того же разсѣяло всякия сомнѣнія. Повязанныя платкомъ, нечесанныя головы можно было наблюдать каждое утро. Среди нижнихъ чиновъ этотъ порокъ конечно доходилъ до ужасающихъ размѣровъ, тѣмъ болѣе что офицеры не обращали ровно никакого вниманія на ихъ жизнь и опрятность. Среди войскъ эта болѣзнь была распространена въ гораздо меньшей степени, хотя на судахъ за пими надзора конечно было гораздо меньше, чѣмъ за матросами.

Всѣ офицеры держать себя очень благопристойно, и въ пристрастіи къ вину ихъ отнюдь обвинить нельзя.

Долженъ еще добавить, что я еще нигдѣ не видѣлъ такой силочности офицерскаго состава, такой общности во взглядахъ и такой братской дружбы. Они встрѣчаются всегда съ распростертыми объятіями, а при разставаніи часто видишь

на глазахъ слезы. Обычай обниматься при встречѣ и при прощаніи повсемѣстенъ. Первое время я подозрѣвалъ даже здѣсь театральность. Такъ это не похоже на наши привычки.

Еще во время стоянки въ Даунсѣ я имѣть случай убѣдиться, что оцѣнку капитаномъ R. русскихъ морскихъ врачей нельзя назвать слишкомъ строгой. Ихъ отнюдь нельзя упрекнуть въ недостаточной теоретической подготовкѣ, но все они слишкомъ молоды и недостаточно опытны; и затѣмъ въ нихъ слишкомъ глубоко внѣдрилось убѣжденіе, что всякое очищеніе приносить безусловно одинъ только вредъ. Однажды, въ то время, какъ я былъ на берегу, одинъ нижній чинъ упалъ съ верхней палубы на стоящую у борта шлюпку и получилъ сотрясеніе мозга. Когда я черезъ пѣкоторое время послѣ этого вернулся на корабль, то онъ уже успѣлъ придти въ себя, но воспалительный процессъ двигался быстрымъ темпомъ. По моему совету пользовавшій его врачъ рѣшилъ вскрыть руку и выпустить небольшое количество крови. Но этого было очевидно недостаточно, опасность казалась неминуемой, и я сталъ настаивать на немедленномъ вскрытии височной артеріи. Но это русскому врачу казалось черезчуръ рискованной операцией, и послѣ 2—3 попытокъ въ этомъ направлениі онъ отказался и уступилъ свое мѣсто мнѣ; но когда изъ перерѣзанной артеріи брызнула фантаномъ кровь, онъ бросился къ командиру и доложилъ ему, что я зарѣзалъ человѣка; послѣдній немедленно приказалъ одному изъ лейтенантовъ разслѣдоватъ мое преступление; жизнь матроса была спасена, но, если бы онъ на мое несчастіе скончался, я быль бы обвиненъ въ смертоубийствѣ.

И подобные случаи встрѣчались на каждомъ шагу.

Кромѣ чисто служебныхъ обязанностей мнѣ по просьбѣ кають-компаніи пришлось еще взять на себя должностъ метрд'отеля, т. е., вооружившись ножомъ, рѣзать все подаваемое къ столу мясо. Не могу сказать, чтобы это было особенно приятно, тѣмъ болѣе что насть садилось за столъ около 35 человѣкъ, а блюда подавались все мясные; напр. такое меню громадный сѣкъ говядины, на второе не меньшій окорокъ ветчины и затѣмъ пары двѣ домашней птицы, утка или гу-

5-го юля эскадра снялась съ якоря въ Даунсѣ и вышла въ море, сопровождаемая англійскимъ госпитальнымъ судномъ (флагманскій врачъ докторъ Burnett), куда предполагалось списывать всѣхъ заразныхъ больныхъ. До того они оставались на своихъ судахъ даже во время стоянки въ рѣкѣ Медвей, такъ что наши морские врачи должны были имѣть неослабное наблюденіе, чтобы зараза не проникла на берегъ. Интересно отмѣтить, что, несмотря на свѣжее мясо и зелень, команда все же страдала отъ скорбута. Этотъ фактъ проливаетъ новый свѣтъ на природу этой болѣзни, или, вѣрнѣе, служить подтвержденіемъ стараго мнѣнія, что грязь, нечистоплотность, испорченный воздухъ и недостатокъ движенія совершенно независимо отъ пищи можетъ вызвать скорбутъ, хотя, конечно, пища является главнымъ агентомъ.

У настѣ на кораблѣ былъ одинъ смертельный случай отъ скорбута, и, благодаря тревогѣ, поднятой по этому поводу, мнѣ удалось наконецъ получить у командира разрѣшеніе осмотрѣть команду. Русскіе офицеры увидѣли въ этомъ какую то чрезвычайную мѣру, хотя въ англійскомъ флотѣ это практикуется ежедневно. Какъ я и подозрѣвалъ, среди команды оказалось 30 человѣкъ съ признаками начинаяющагося скорбута; на сосѣднемъ кораблѣ число это оказалось вдвое большимъ; въ большей или меньшей степени обнаружено предрасположеніе къ этой болѣзни и среди остальной команды. Ни одинъ изъ офицеровъ при этомъ осмотрѣ не присутствовалъ; въ англійскомъ флотѣ это сочли бы за самое тяжкое нарушеніе служебнаго долга, но здѣсь обѣ этомъ даже и не думали. Командиръ жаловался на боль въ колѣнѣ, которая будто бы мѣшала ему ходить, а остальнымъ офицерамъ даже и въ голову не пришло сходить на осмотръ.

Итакъ суда были въ морѣ всего только недѣлю, а уже появились угрожающіе признаки. Что бы стало съ этимъ флотомъ, если бы ему пришлось блокировать какой нибудь непріятельскій портъ 10—12 мѣсяцевъ подрядъ или если бы встрѣтилась надобность даже въ непродолжительномъ крейсерствѣ.

Послѣ этого осмотра команды я рѣшился, чутъ ли не въ двадцатый разъ, обратиться къ командиру съ просьбой узаконить подобные осмотры регулярно, т. е. 2—3 раза въ недѣлю, но, какъ и слѣдовало ожидать, получилъ отказъ подъ предлогомъ, что это противорѣчить установленнымъ служебнымъ нормамъ. При моемъ требованіи осмотрѣть гвардейцевъ, командиръ страшно заволновался, такъ какъ у настъ здѣсь же на корабль находился старшій полковой врачъ. На необходимость подобной мѣры былъ сдѣланъ намекъ барону Розену, но послѣдній положилъ конецъ всѣмъ моимъ хлопотамъ, заявивъ, что здоровье подчиненныхъ ему низшихъ чиновъ его личное дѣло и никого больше не касается.

Такимъ образомъ требования, предъявляемыя морской службой и касающіяся здоровья всѣхъ лицъ, плавающихъ на корабль, оказались безсильными, встрѣтивъ сопротивленіе со стороны совершенно некомпетентнаго и случайно попавшаго на корабль сухопутнаго офицера.

Но все же я старался, дѣйствуя убѣжденiemъ и просьбами и основываясь на духѣ и на буквѣ моихъ инструкцій, провести цѣлый рядъ мѣръ, которая несомнѣнно должны были благодѣтельно отразиться на службѣ, оздоровивъ до нѣкоторой степени личный составъ. Но эта моя дѣятельность была встрѣчена весьма недружелюбно; мои требования почти всегда оказывались непріемлемыми; на меня стали смотрѣть подозрительно, даже недружелюбно, и дѣло наконецъ дошло до адмирала. Послѣдній, пригласивъ меня къ себѣ, пересмотрѣлъ всѣ мои предположенія, нашелъ ихъ вполнѣ разумными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и непріемлемыми. Въ концѣ концовъ онъ сказалъ мнѣ слѣдующее: «Здѣсь ужасно подозрительно относятся ко всѣмъ новшествамъ; и мой вамъ советъ — не будьте слишкомъ рьяными, если хотите ужиться въ мире; предлагайте ваши услуги, когда васть обѣ этомъ попросятъ, но не раньше. Я самъ пытался ввести здѣсь многое, долженъ былъ отказаться. Все, что вы предполагаете, прекраснѣо, но для русскаго флота не годится».

Переходъ Нѣмецкимъ моремъ былъ на рѣдкость спокойны. Легкий попутный вѣтерокъ; море какъ зеркало, и толь-

изрѣдка легкая рябь; ходъ совсѣмъ небольшой; небо безоблачно, ясная ночь; команда грѣется на солнцѣ цѣлые дни; всѣ порта и иллюминаторы открыты круглыя сутки; совсѣмъ, какъ въ тропикахъ. 11-го іюля мы обогнули Скагенъ и вошли въ Каттегатъ, отдѣляющій Ютландію отъ Швеціи. Съ Балтийскимъ моремъ онъ соединяется Зундомъ и двумя Бельтами. Эти проливы извѣстны, какъ районы, гдѣ въ минувшую войну наша торговля понесла особенно тяжелыя потери.

Погода намъ благопріятствовала и дальше. Вѣтеръ, какъ варочно мѣнялся съ такимъ разсчетомъ, чтобы дать намъ возможность пройти благополучно и безъ задержекъ всѣми извилистыми и опасными фарватерами, которыми такъ богаты эти воды. Только одинъ разъ изъ за противнаго вѣтра намъ пришлось стать на якорь у о. Анхольтъ. Это—самый крупный островъ въ Каттегатѣ, принадлежитъ Даніи и лежитъ всего миляхъ въ девяти отъ Ютландскаго берега. Онъ со всѣхъ сторонъ окружено отмелями и банками, но опасность до пѣкоторой степени устраниется сильнымъ маякомъ съ видимостью до 15 миль. Во время войны, чтобы помѣшать нашей торговлѣ, датчане, прекратили освѣщеніе этого маяка, и благодаря этому Анхольтъ былъ занятъ англійскимъ десантомъ. Не имѣвшая усѣхъ попытки отобрать его у настъ была сделана въ 1811 году съ Ютландскаго берега. Но датчане постѣ кровопролитнаго столкновенія были отброшены горсткой нашихъ людей подъ командой капитана 1-го ранга Мангісе; число захваченныхъ при этомъ плѣнныхъ превышало значительно нашъ отрядъ. Мы очистили островъ уже послѣ подписанія мира. Самъ по себѣ Анхольтъ очень бѣденъ, съ рѣдкимъ населеніемъ, и значеніе его обуславливается лишь его географическимъ положеніемъ на большомъ торговомъ пути.

Свявшись съ якоря послѣ непродолжительной стоянки подъ Анхольтомъ, мы на слѣдующій день вошли въ Большой Бельтъ. Головнымъ шелъ на своемъ трехъ-дечномъ корабль адмираль Тэтъ. Адмираль Кроунъ со своей дивизіей прошелъ также Бельтомъ недѣлей или двумя раньше. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мы вошли въ Финскій заливъ, и 29-го іюля

ескадра стала на якорь на Кронштадтскомъ рейдѣ. Здоровые команды за весь переходъ удовлетворительное. Число больныхъ пожалуй раза въ два меньше, чѣмъ на англійскомъ кораблѣ того же ранга. Я объясняю это тѣмъ, что русскій матросъ обращается къ врачу только въ случаѣ крайней необходимости. Англичанинъ гораздо болѣе заботится о себѣ, очень чистоплотенъ, но въ то же время его натура уже изнѣжена. Онъ не могъ бы остаться здоровымъ при отсутствіи малѣйшей заботы со стороны начальства и въ той невылазной грязи, которая характерна для русскихъ матросовъ. Можетъ показаться невѣроятнымъ, что за все время моего пребыванія на кораблѣ (т. е. около 6 недѣль) многіе изъ команды ни разу не мылись, и только не болѣе 50 человѣкъ изъ всего экипажа спало на койкахъ. Остальные располагались прямо на палубѣ, выбравъ себѣ доски помягче. Но однако нельзя сказать, чтобы корабль былъ грязнымъ; всѣ палубы мылись скреблись и достаточно провѣтривались. Про русского матроса можно сказать, какъ и про голландца, что у него въ домѣ грязенъ одинъ только онъ.

Дать описание морской мощи Россіи и решить, насколько она можетъ быть опасной для Великобританіи, чрезвычайно трудно, главнымъ образомъ по тому, что мы, вообще говоря, знаемъ обѣ этомъ слишкомъ мало.

Россія всегда имѣла стремленіе сдѣлаться первоклассной морской державой, и причина этого кроется, можетъ быть, въ томъ, что она слишкомъ удалена отъ центровъ европейской политики и не можетъ имѣть достаточного вѣса, опираясь только на свою армію. Эти соображенія, повидимому, заставили Петра Великаго строить Петербургъ и Кронштадтъ, которые стоили ему тысячей человѣческихъ жизней и громадныхъ денежныхъ затратъ. Той же политики держались и ближайшіе преемники. Но такое положеніе продолжало все же не долго; цѣлый рядъ неожиданныхъ и быстро следующихъ событий передалъ въ руки Россіи гегемонію въ югъ, причемъ главную роль въ этомъ сюжетѣ играла армія, и флотъ такимъ образомъ отошелъ на второй планъ. Затѣмъ вторая причина упадка морской силы Р

сто лѣтъ тому назадъ.

15

заключается въ неудовлетворительномъ финансомъ положеніи Имперіи, которое не позволяло ей одновременно имѣть сильную армію и грозный флотъ. Чрезвычайно неблагопріятное влияніе должно имѣть также географическое положеніе ея морей и главнымъ образомъ Балтійскаго, которое чуть ли не въ мѣсяцъ въ году сковано льдами. Наконецъ четвертая и на мой взглядъ самая существенная причина слабости русскаго флота заключается въ отсутствіи подходящаго элемента для укомплектованія военныхъ судовъ.

Что касается до судостроенія, то Россія въ этомъ отношеніи находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Она имѣетъ въ изобиліи и притомъ самого лучшаго качества строевой лѣсъ, пеньку, желѣзо, смолу и деготь; рабочія руки дешевы, какъ нигдѣ. Военные порта Кронштадтъ, Ревель, Рига и Архангельскъ для вооруженія судовъ оборудованы превосходно.

Въ спискахъ флота числится около 30 линейныхъ кораблей, но изъ нихъ не болѣе половины можетъ выйти въ море для активной службы; въ кронштадтскихъ гаваняхъ я видѣлъ очень много совсѣмъ уже негодныхъ судовъ. Число фрегатовъ и судовъ меньшихъ ранговъ, т. е. бриговъ, коттеровъ и др. также около 30. Канонерскихъ лодокъ, вооруженныхъ одной или двумя 24-фунтовыми пушками (около 20—25 человѣкъ команды) и предназначенныхъ для операций въ мелководьяхъ, главнымъ образомъ противъ шведовъ, наберется въ различныхъ портахъ до полутораста. Эти суда, снабженныя парусами, двигателемъ и веслами, могутъ причинить много хлопотъ даже линейнымъ кораблямъ въ штиль, когда последние лишены возможности передвигаться. Датчане съ большимъ успѣхомъ пользовались противъ насъ канонерками въ Бельгіи. Также и на югѣ Европы, въ Алжезирасѣ, испанцы часто беспокопли на своихъ канонеркахъ наши военные суда и затрудняли нашу торговлю.

Но когда военный корабль построенъ, вооруженъ и снабженъ всѣми запасами, то въ него должна вселиться душа, которая одна оживляетъ все. Но на русскихъ судахъ этой души не чувствуешь. Это объясняется конечно недостаткомъ

прирожденныхъ моряковъ среди нижнихъ чиновъ; но главная причина все же заключается въ недостаткѣ способныхъ офицеровъ, и этотъ недостатокъ, несмотря на всѣ усилия русского правительства, врядъ ли когданибудь будетъ устраненъ. Еще нижнихъ чиновъ можно посадить на коммерческие корабли въ непрестанной тренировкой сдѣлать изъ нихъ хорошихъ матросовъ. Но изъ молодыхъ людей привилегированныхъ сословій немногіе пойдутъ на грязную работу.

Въ настоящее время мальчики, предназначенные къ морской карьерѣ, въ возрастѣ 7—8 лѣтъ послѣ опытного плаванія поступаютъ въ морскія училища, расположенные въ Петербургѣ и въ Кронштадтѣ; здѣсь ихъ знакомятъ съ теоріей морского дѣла, а лѣтомъ на пѣсколько недѣль они посылаются въ крейсерство по Балтійскому морю. Въ это время здѣсь стоять обычно прекрасныя погоды, и такимъ образомъ отсутствуетъ тотъ элементъ, который необходимъ для выработки того, что называютъ морскимъ характеромъ. Во время этого крейсерства кадеты посѣщаютъ иѣкоторые порты, главнымъ образомъ для развлечения, а съ наступленіемъ осеннихъ шторъ, спасаясь отъ морской болѣзни, спѣшино возвращаются въ Кронштадтѣ или въ Ревель, чтобы на слѣдующее лѣто вновь сдѣлать небольшое плаваніе и возобновить въ своей памяти тѣ туманныя и немногочисленныя свѣдѣнія, которыя были приобрѣтены въ этомъ году. Черезъ 2 или 3 года такого воспитанія они производятся въ гардемарины, а затѣмъ въ мичмана, продолжая все это время исполнять на судахъ почесть же обязанности, ознакомившись лишь поверхностно съ навигацией и почти совершенно не имѣя никакихъ познаній въ своей главной специальности—морской практикѣ.

Во время плаванія они едва удостаиваются спуститься поднадзора за работами нижнихъ чиновъ и за исполненіемъ приказаний старшаго офицера; на шлюпкахъ ихъ никогда не видѣзъ исключениемъ случаевъ посылки на флагманскій корабль. На вахтѣ они преснокойно прогуливаются по палубѣ, и, кажется, единствено, что имъ поручаютъ, это опредѣленіе ходу корабля по лагу; столются они въ офицерской каюти-компании, причемъ во время стоянки въ Англіи каждый получаетъ

сто лѣтъ тому назадъ.

столовыхъ денегъ по 6 фунт. 10 шилл. У насъ они должны были бы заслужить эту каюти-компанию, отспѣвши свой срокъ въ «пѣтушьей ямѣ», а здѣсь этотъ молодой человѣкъ съ слгарой въ зубахъ преважно расхаживаетъ взадъ и впередъ, не стѣсняясь иѣсколько общества офицеровъ, до тѣхъ поръ пока не подойдетъ его очередь вступить на вахту. Въ положенный срокъ онъ конечно успѣетъ ознакомиться съ устройствомъ корабля, усвоитъ морскую терминологію, изучить текелажъ, вырубить на зубокъ командныя слова при отдачѣ и крѣпленіи парусовъ и при брандѣ рифовъ, но яснаго отчета во всѣхъ этихъ маневрахъ у него нѣтъ. И въ нужный моментъ онъ, даже въ чинѣ лейтенанта, не сумѣеть должнымъ образомъ распорядиться людьми, такъ какъ недостаточно знать только командныя слова, но надо понимать и отчетливо представлять себѣ каждый маневръ.

Конечно флотъ, управляемый офицерами, получившими такое воспитаніе, неизбѣжно долженъ потерпѣть полное пораженіе при встрѣчѣ съ закаленными въ плаваньяхъ моряками. Личная храбрость, въ которой русскимъ, конечно, нельзя отказывать, все же безсильна передъ лучшей выучкой. У насъ дѣло воспитанія офицеровъ поставлено совершенно иначе. Но однако слишкомъ строго относиться къ русской системѣ нельзя. Не надо забывать, что, хотя и у насъ есть морское училище, во черезъ него проходить сравнительно незначительный процентъ офицеровъ; а изъ тѣхъ, кто получилъ воспитаніе именно въ этомъ училищѣ, рѣдко выходитъ смѣлый и отважный морякъ, такъ какъ здѣсь молодые люди изъ 6 лѣтъ должны 2 или 3 года провести на берегу, тогда какъ ихъ школой должно быть море, вѣтеръ и волны.

Недостатокъ свѣдущихъ и опытныхъ офицеровъ чувствовался постоянно, и русское правительство принуждено было приглашать на службу иностранцевъ, главнымъ образомъ англичанъ. Две трети адмираловъ и командировъ судовъ, зимовавшихъ въ Англіи, были шотланды. Все это прекрасные офицеры и опытные моряки, но всѣ ихъ усилия ввести во флотъ иѣкоторыя измѣненія и улучшенія ни къ чему не ведутъ. Причину этого, я думаю, надо искать въ характерѣ русского народа.

Безконечная комиссія, назначаемая для урегулированія самыхъ разнообразныхъ отраслей морской службы, не приводятъ ни къ чему. всякая реформа встрѣчаетъ страшную оппозицію со стороны туземныхъ офицеровъ, которые на каждое новшество склонны смотрѣть какъ на желаніе наимѣсти имъ обиду, и каждый новаторъ, даже въ самыхъ высокихъ чинахъ, или принужденъ бываетъ покинуть службу или, въ лучшемъ случаѣ, получаетъ изъ придворныхъ сферъ приказаніе оставить все по старому.

Туземные офицеры относятся къ своимъ иностраннымъ коллегамъ съ нескрываемой завистью; и, хотя послѣдніе играли большую роль во всѣхъ побѣдахъ, одержанныхъ русскимъ флотомъ на моряхъ, и даже многими побѣдами русскій флотъ обязанъ почти исключительно имъ, все же это не могло снискать имъ уваженія и любви среди ихъ собратій по оружію. Сужденія о нихъ всегда чрезвычайно суровы; по этимъ отзывамъ адмиралъ Т. (*)—тиранъ, не обладающій ни однимъ положительнымъ качествомъ, даже какъ морякъ; адмиралъ Е. выжилъ изъ ума и впалъ въ дѣтство; адмиралъ С. хороший морякъ, но самодуръ и просто невоспитанный человѣкъ, которому мѣсто только на угольщикѣ. И подобная аттестація всѣмъ безъ исключенія офицерамъ иностранцамъ. Поэтому адмиралъ О. поставилъ себѣ за правило относиться къ своимъ соотечественникамъ какъ можно болѣе сдержанно, лишь изрѣдка снисходя до разговора, и то только съ капитанами и капитан-лейтенантами. Равнымъ образомъ онъ никогда не приглашалъ ихъ къ своему столу, какъ это принято въ Англіи. Поэтому онъ не оказалъ этого вниманія и мнѣ, объясняя это нежеланіемъ подать поводъ къ излишнимъ разговорамъ. Вообще нельзѧ сказать, что положеніе его было не изъ завидныхъ, такъ какъ каждый его шагъ, каждое приказаніе неизмѣнно подвергалъ самой неблагожелательной критикѣ.

Но любопытно отмѣтить, что, критикуя такъ строго мои соотечественниковъ, русскіе офицеры изъ своей среды не могутъ назвать ни одного знающаго и опытнаго начальника за ед-

(*) Вѣроятно адм. Теть.

ственнымъ исключениемъ адмирала Сенявина. Всѣ ихъ адмиралы или плохіе моряки, или ровно ничего не смыслить въ морскомъ дѣлѣ. Въ числѣ послѣднихъ называли адмирала Чичагова, который въ 1812 году командовалъ арміей. Ему нельзя отказать въ личной храбрости, и онъ пользуется большимъ вліяніемъ, но общество не можетъ простить ему, что онъ упустилъ Наполеона.

Не взирая на покровительство правительства, которое въ данномъ случаѣ достаточно дальновидно и мудро, чтобы бороться съ мѣстными предразсудками, все же очень немного изъ англичанъ поступило на русскую службу. И нѣтъ сомнѣнія, что желающихъ совсѣмъ не оказалось бы, если бы былъ известны всѣ обстоятельства этой службы. Это я слышалъ отъ многихъ; но, порвавъ связь со своимъ прошлымъ, они не рѣшаются уже бросить и Россію. Въ 1795 году русское правительство предложило англійскимъ морскимъ врачамъ поступить на суда, зимовавшія тогда въ британскихъ водахъ. На это предложеніе откликнулись многіе, но служба оказалась настолько неприглядной, что они одинъ за другимъ стали отказываться, и въ настоящее время изъ нихъ не осталось никого. Многіе пытались найти себѣ счастье на берегу, но, несмотря на покровительство властей, вскорѣ должны были убѣдиться, что ихъ надежды не соответствовали дѣйствительности. Россія—страна черезтуръ бѣдная для англичанина. Даже безъ особыхъ способностей и труда онъ у себя на родинѣ добѣется гораздо большаго.

Русскіе матросы обладаютъ всѣми качествами хорошихъ моряковъ: они смѣлы, отважны, терпѣливы, дисциплинированы и подвижны. Послѣ небольшой тренировки они работаютъ, въ особенности въ хорошую погоду, великодушно, въ чёмъ я имѣлъ случаи убѣдиться; по такихъ неспокойныхъ и опасныхъ мѣстъ, какъ Англійский Каналъ, они боятся и не любятъ (по крайней мѣрѣ офицеры). Поведеніе команды выше всякой похвалы; наказанія, какъ это ни странно, почти совершенно отсутствуютъ; на S. за два года былъ только одинъ случай, тогда какъ на англійскомъ кораблѣ того же ранга по самому скромному разсчету за это же время пришлось бы наказать

человѣкъ 200. И это блестящее поведеніе тѣмъ болѣе бросается въ глаза, что нижніе чины здѣсь совершенно предоставлены самимъ себѣ, и офицеры о нихъ не имѣютъ никакой заботы. Въ массѣ—это народъ воздержанный и трезвый; за время своего плаванія я только одинъ разъ видѣлъ на кораблѣ совершенно пьяного матроса. Выносливость русскихъ по отношенію къ различнаго рода лишеніямъ и болѣзнямъ изумительна. Къ медицинской помощи они прибѣгаютъ лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ; безъ малѣйшаго ропота долгіе годы несутъ они бремя службы безъ всякаго жалованія и безъ всякаго движения впередъ, въ обстановкѣ, лишенной малѣйшаго комфорта, плохо одѣтые, на нездоровой пищѣ. Офицеры очень часто, хвастаясь этой способностью своихъ людей переносить лишенія, рассказывали мнѣ такие случаи при которыхъ англичанинъ не могъ бы выдержать.

Интересно отметить, что морской пѣхоты, играющей такую важную роль въ англійскомъ флотѣ, здѣсь совершенно не существуетъ. Ея функции (часовые, караулы и т. п.) выполняютъ матросы. На зимніе мѣсяцы вся команда переводится въ казармы, сводится въ батальоны и несетъ службу наравнѣ съ арміей, т. е. усиленно занимается строевыми ученьями, участвуетъ въ парадахъ, на разводахъ и т. д. Надо думать, что подобный режимъ врядъ ли способствуетъ развитію необходимаго *esprit du corps*, безъ которого невозможна никакая военная служба. Здѣсь опять выступаетъ рѣзкая разница между англійскимъ матросомъ и русскимъ: англичанинъ свою службу ставитъ очень высоко, и весь другій профессіи презираетъ; поставить его на одну доску съ солдатомъ, это значитъ унизить, оскорбить его; къ строевымъ ученьямъ онъ относится съ отвращеніемъ, и на тѣхъ судахъ, где злоупотребляютъ ружейными приемами, замѣчается уленное дезертирство.

Но самымъ воющіющимъ недостаткомъ русской службы является полное отсутствіе надзора со стороны офицеровъ нижними чинами. Для англійского морскаго офицера кажется страннымъ узнать, что здѣсь совершенно не существуетъ осмотра команды. Нижніе чины стригутся, брею-

ются, мѣняютъ бѣлье, когда имъ заблагоразсудится; часто рубаха, надѣтая совсѣмъ новой, снимается уже совершенно изношенной. Спѣть команда гдѣ пошло и какъ попало, часто въ водѣ, на холодномъ вѣтру; одни снятъ совсѣмъ голые, другие кутаются въ шинели. У пѣкоторыхъ совсѣмъ нѣть коекъ для подвѣшиванія, а если и есть, то они не даютъ себѣ труда расшнурововать ихъ и устроиться на ночь по человѣчески. Офицеры съ своей стороны наблюденія за этимъ не имѣютъ.

Вследствіе всѣхъ этихъ упущеній люди живутъ въ страшной грязи, и вокругъ нихъ плодятся и множатся мириады различныхъ паразитовъ. Это въ связи съ холодомъ и плохими условіями для сна часто порождаетъ тифъ, скорбутъ и другія эпидеміи, производящія настоящія опустошенія среди нижніхъ чиновъ. Этому способствуетъ въ сильной степени полная праздность команды во время стоянки въ гавани и въ морѣ послѣ смѣны съ вахты. Въ англійскомъ и во французскомъ флотахъ въ свободное отъ службы время среди команды очень популярны танцы и различный спортъ; русскій же матросъ можетъ часами высиживать неподвижно, играя въ карты. Этотъ недостатокъ движенія въ связи съ общей нечистоплотностью надо считать причиной эпидеміи, появившейся во время стоянки въ Ширнессѣ, хотя команда получала въ это время свѣжее мясо и зелень. Кроме того для оздоровленія всего личнаго состава слѣдовало бы обратить вниманіе на снабженіе нижніхъ чиновъ теплой одеждой, на выдачу въ большомъ количествѣ бѣлья (рубахи и носки); слѣдовало бы заставлять матросовъ мыть свое бѣлье и назначить для этого опредѣленные дни недѣли.

Въ русскомъ флотѣ слишкомъ мало вниманія обращено на бытъ команды; офицеры своей прямой обязанностью считаютъ лишь знаніе командныхъ словъ во время парусныхъ учений, и въ этомъ заключается самый крупный недостатокъ въ организаціи русскаго флота.

Офицерскіе чины въ русскомъ флотѣ взяты изъ Франціи: гардемаринъ, мичманъ, лейтенантъ, капитанъ-лейтенантъ (въ Англіи соответственнаго нѣть), капитанъ 2-го и 1-го ран-

говъ, коммодоръ, контръ-адмиралъ, вице-адмиралъ и полный адмиралъ.

Жалованья лейтенантъ получаетъ около 50 фунтовъ въ годъ; но во время плаванья къ этому прибавляются еще столовыя деньги, размѣръ которыхъ зависитъ отъ мѣста стоянки; такъ въ Англіи столовыя деньги составляютъ въ мѣсяцъ 6 ф. 10 шилл. у шведскихъ береговъ 4 ф. 10 ш., не считая 4 ф. въ мѣсяцъ на прислугу (по расчету на 2 служителей); такимъ образомъ все это въ суммѣ составляетъ гораздо больше того, что получаетъ англійскій лейтенантъ. На берегу столовыя деньги и деньги на прислугу не выдаются. Мичманъ, который столуется вмѣстѣ съ лейтенантами, получаетъ тѣ же столовыя, но жалованье его меньше, и ему не выдаютъ на прислугу. Капитанъ-лейтенантъ получаетъ на трехъ служителей, капитаны 2-го и 1-го ранговъ на 4 и на 6; для адмираловъ этотъ видъ довольствія увеличивается въ той же пропорціи.

Русскіе морскіе врачи на мой взглядъ оставляютъ желать многаго; нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія ни о медицинѣ, ни о хирургіи. Только въ исключительныхъ случаяхъ, съ большой неохотой рѣшаются они выйти изъ круга самыхъ дѣтскихъ лѣкарственныхъ средствъ и примѣнить то, что давно уже принято современной наукой. Какъ хирурги они не выдерживаютъ никакой критики. Офицеры разсказывали мнѣ, что во время шведской войны подавляющее большинство раненыхъ послѣ ампутаций умирало вслѣдствіе небрежнаго ухода; даже незначительная пораненія по той же причинѣ имѣли очень часто смертельный исходъ. Въ русской арміи человѣческой жизнью также не слишкомъ дорожили, особенно, если дѣло шло о человѣкѣ, имѣвшемъ несчастіе лишиться какой либо конечности. Сэръ Робертъ Вильсонъ въ одной изъ своихъ работъ цитируетъ слова одного русскаго офицера въ генеральскихъ чинахъ: «лучшимъ врачемъ для солдата, потерявшаго ногу, будетъ пушечное ядро. Слабительное и кровопусканіе, т. е. то, что является какъ бы глазами въ медицинѣ, русскими врачами совершенно игнорируется».

Но надо сказать, что система прохожденія службы русскихъ морскихъ врачей не разсчитана на то, чтобы покровительствовать и выдвигать таланты. Сюда идутъ неудачники и люди безъ опыта, которые не могутъ пробить себѣ дороги на другомъ поприщѣ. Но при этомъ замѣчается, что по мѣрѣ приобрѣтенія съ годами опыта и знаній они оставляютъ эту службу и уходятъ на сторону.

Въ лучшихъ клиникахъ и госпиталяхъ медицинскій персоналъ состоитъ главнымъ образомъ изъ англичанъ и нѣмцевъ; у Императора наибольшимъ довѣріемъ и вліяніемъ пользуется сэръ Джемсъ Вилье (James Wylie), уроженецъ Шотландіи.

Штурмана въ русскомъ флотѣ теоретически подготовлены превосходно, по среди нихъ очень рѣдко можно встрѣтить знающихъ моряковъ и опытныхъ лоцмановъ; поэтому они не могутъ съ должной увѣренностью вести счисленіе корабля, и вся ответственность лежитъ всецѣло на командирахъ. Въ силу этого послѣдніе съ большой опаской приближаются къ берегамъ, даже въ своихъ водахъ, и, если бы имъ когда нибудь пришлось нести блокадную службу, то можно съ увѣренностью сказать, что блокада эта будетъ недѣйствительна. Смѣлость англичанъ въ этомъ отношеніи часто вызываетъ здѣсь зависть и восхищеніе; но необходимо оговориться, что эта смѣлость допустима лишь при наличіи хорошей команды, долголѣтняго опыта и исправныхъ картъ.

На русскихъ судахъ не имѣется должностнаго лица, соответствующаго нашему комиссару (purser), и командиръ самъ долженъ заботиться о кормленіи команды и обѣ ея вещевомъ довольствіи, которое по мѣрѣ надобности выдается на руки нижнимъ чинамъ шхинеромъ подъ наблюденіемъ одного изъ лейтенантовъ, носящаго званіе «ревизора».

Положеніе палубныхъ офицеровъ—артиллериста, боцмана и плотника (gunner, boatswain, carpenter)—въ русскомъ флотѣ нѣсколько иное, чѣмъ у насъ; въ особенности рѣзко выдѣляется разница между артиллеристами; здѣсь артиллеристъ получаетъ солидную научную подготовку, тогда какъ у насъ на эту должность назначаютъ старого, много плававшаго матроса. Такой порядокъ въ русскомъ флотѣ можно

пожалуй назвать прогрессомъ въ этомъ отношеніи, если только допустить, что научная подготовка можетъ возмѣстить недостатокъ морского опыта и практики.

Членами кають-компаніи считаются всѣ офицеры и мичмана, тогда какъ въ Англіи послѣдніе стolуются отдельно. Обычно для офицеровъ сервируется въ 12 час. обѣдъ и между 4 и 5 час. вечера ужинъ; утренній и вечерній кофе всѣ пьютъ по своимъ каютамъ. Иногда вечеромъ устраивается общее чаепитіе въ кають-компаніи. Но послѣ того какъ на судахъ появилась гвардія, порядокъ дня измѣнился: ужинъ упразднился и остался только одинъ обѣдъ, сервируемый въ 1 часъ дня.

Пьянства среди офицеровъ я не замѣчалъ; наиболѣе любимый напитокъ — квасъ. Вечерами всѣ обыкновенно садятся за карты.

Команда въ полдень имѣеть обѣдъ, въ 4 вечера ужинъ (англійскій матросъ кромѣ того имѣеть завтракъ въ 8 час. утра). Пища здоровая и обильная, но я подозрѣваю, что во внутреннемъ плаваніи, когда приходится переходить на отечественные продукты (на переходѣ все было закуплено въ Англіи), она должна сильно терять въ качествѣ.

Главная база русского флота въ Балтійскомъ морѣ Кронштадтъ при подходѣ къ нему производить очень выгодное впечатлѣніе даже на избалованый глазъ англійского моряка.

Но якорную стоянку для военного флота нельзя въ сущности назвать гаванью; это скорѣе рейдъ, хотя и прикрытый нѣсколько отъ вѣтровъ. Другое его неудобство — малая глубина; онъ весь усыпанъ отмелами, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходятъ до поверхности воды, и на двухъ изъ нихъ построены очень сильные форты, причемъ дула орудій находятся почти надъ самой водой. Говорятъ, что этими укрепленіями Кронштадтъ обязанъ главнымъ образомъ той паникѣ, которая охватила столицу Имперіи, когда до нея донесся громъ орудій Нельсона, атаковавшаго Копенгагенъ.

Городъ расположено на восточной оконечности острова и раскинулся довольно широко; но улицы грязныя, неправильныя; дома и домишкі разбросаны безъ особаго порядка и среди нихъ много настоящихъ лачугъ. Выгодно выдѣляются

своимъ видомъ только особняки, принадлежащіе нашимъ соотечественникамъ, которые и сюда привнесли съ собой тотъ комфортъ и опрятность, которые характерны для истаго англичанина.

При насъ въ гаваняхъ шли большія работы; облицовывали гранитомъ бассейны, каналы и доки. Все, что я видѣлъ здѣсь, задумано и выполняется въ широкомъ масштабѣ, но все почти создается рукой человѣка, природа не приходитъ на помощь. При взгляде на всѣ эти работы нельзя не проникнутьсяуваженіемъ къ націи, еще находящейся въ дѣствѣ, но таящей въ себѣ такую энергию.

Я воздержусь отъ подробнаго описанія всѣхъ морскихъ соруженій; это вышло бы изъ рамокъ моей работы. Долженъ только сказать, что здѣсь ничего не забыто изъ того, что необходимо для обученія, укомплектованія и ремонта военныхъ судовъ. Меня, какъ иностранца, особенно поразило, что все, почти каждая мелочь, связана здѣсь съ именемъ Петра Великаго.

Бассейнъ для коммерческихъ судовъ по своему оборудованію и размѣрамъ (вмѣщаетъ до 400 судовъ) уступаетъ развѣ нашимъ докамъ въ Blackwall, хотя послѣдніе построены уже позже Кронштадта. Онъ до чрезвычайности облегчаетъ нагрузку и разгрузку судовъ, входящихъ почти въ самый центръ города. Нигдѣ, даже въ Темзѣ, мнѣ не случалось видѣть такого лѣса мачтъ. Но мое сердце радовалось, такъ какъ большая часть этихъ судовъ (изъ 1000 около 930) пришла сюда подъ британскимъ флагомъ, что служитъ лишнимъ доказательствомъ нашей энергіи, предпріимчивости и доброй славы. Команда всѣхъ этихъ судовъ наполовину состоитъ изъ англичанъ; на улицахъ, въ гавани, въ тавернахъ—вездѣ слышенъ англійскій говоръ, пересыпаемый самыми цвѣтистыми перлами морской терминологіи.

Изъ общественныхъ зданій здѣсь можно назвать только правительственные и биржевые склады, морской госпиталь, казармы, таможню и нѣсколько другихъ. Всѣ они содержатся въ большомъ порядке. Военный портъ тоже очень хорошъ. Но нельзя не обратить вниманія на то, что большая часть

стоящихъ здѣсь судовъ требуетъ капитальнѣйшаго ремонта и въ своемъ настоящемъ видѣ для службы не годится. Характерно также, что здѣсь же стоитъ нѣсколько совершенно новыхъ судовъ; но у нихъ сильно помяты кормы, какъ говорятъ при спускѣ на воду, и они также, не смотря на свою моло-дость не годны къ службѣ. Такимъ образомъ русскій флотъ, грозный на бумагѣ, на самомъ дѣлѣ не представляетъ изъ себя крупной величины; даже большая часть плавающихъ кораблей устарѣла и требуетъ ремонта.

Сообщеніе со столицей Имперіи производится на пассажир-скомъ ботѣ, которымъ я и воспользовался, какъ только осво-бодился отъ службы. Поживъ немнога и осмотрѣвъ Петер-бургъ, я распрошался въ Россіей и, сѣвъ въ Кронштадтѣ на корабль, отплылъ въ Англію.

Перевелъ Б. С.
